

А.М. Петров

О ТРЕХ ТИПАХ ДИАЛОГИЗАЦИИ
МОНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В РУССКИХ ЛИРО-ЭПИЧЕСКИХ
ДУХОВНЫХ СТИХАХ

Цель статьи – выявить конструктивные характеристики лиро-эпических духовных стихов, которые, с одной стороны, сближают их с эпосом, а с другой – с лирикой; выявить наиболее существенные формальные категории, релевантные именно для указанной жанровой разновидности. В статье аргументируется положение о том, что важнейшим структурным свойством, которое определяет сущностную природу лиро-эпических духовных стихов, является диалогизация монологического дискурса в ее трех типах: драматическом, лирическом и лирико-риторическом.

Ключевые слова: духовные стихи, язык фольклора, синтаксис, поэтика, диалог, монолог, лингвистика текста.

В пестром, крайне неоднородном корпусе текстов русских духовных стихов три разновидности – *эпические*, *лиро-эпические* и *лирические* – впервые выделил Ю.М. Соколов¹. Классификация, предложенная Ю.М. Соколовым, опирается на родовые различия между жанровыми группами: духовные стихи разграничиваются по способам и принципам воссоздания действительности. Эпические духовные стихи в центр внимания выдвигают событие, действие, факт, лирические – отражают движение эмоции и чувства. Соответственно, разные группы текстов наделяются разными конструктивными характеристиками: для эпоса характерны размеренное повествование в монологической форме с включением диалогических регистров, выполняющих функцию драматизации, взгляд на события со стороны имплицированного и до некоторой степени отстраненного повествователя, локализация действия в

© Петров А.М., 2012

прошлом; для лирики – акцентированная диалогичность, актуализация настоящего времени и выдвигание в центр коммуникации фигуры лирического «я».

В этом плане обособленное и в какой-то степени неопределенное положение занимают лиро-эпические духовные стихи. С одной стороны, они нацелены на изображение душевной жизни человека, его внутренних помыслов и устремлений, переживаний, чувств, с другой – в них сохраняется некоторая (иногда значительная) роль нарративного, повествовательного, фабульного начала.

На практике определить место конкретного текста в указанной классификации не всегда просто: во-первых, не существует универсальных весов для определения доли эпического и лирического начал; во-вторых, имеются многочисленные случаи вкрапления лирических блоков в эпические тексты (часто при контаминации). На данном этапе нашей работы критерием отнесения текста к лиро-эпическому при отборе материала для исследования служит устоявшаяся традиция считать лиро-эпическими стихи определенной тематической направленности. Это, во-первых, многочисленные стихи о Страшном суде («Страшный суд», «Перед вторым пришествием Христа», «Архангел Михаил» и др.); во-вторых, стихи, в которых указываются важнейшие этические заповеди и законы (о соблюдении «среды и пятницы», о молитве, о воскресном дне, о почитании родителей и детей, о запрете матерной брани и т. д.). По Г.П. Федотову, в стихах этого типа отражен «моральный кодекс народа», включающий три нравственных закона: теллурический, ритуальный и каритативный². Призыв к соблюдению христианского благочестия может сочетаться с традиционно разработанными картинами Страшного суда, где грешников ожидает наказание, а праведников – вечное райское блаженство. Это стихи «О двенадцати пятницах», «Пятница и пустынный», «Свиток Иерусалимский» и др.

Цель предлагаемой статьи – выявить конструктивные характеристики лиро-эпических духовных стихов, которые, с одной стороны, сближают их с эпосом, а с другой – с лирикой; выявить наиболее существенные формальные категории, релевантные именно для указанной внутрижанровой разновидности.

Взгляд повествователя (лирического «я») в лиро-эпических духовных стихах, как правило, обращен в будущее. Основной, ведущей темой являются размышления о судьбах мира, о его последних днях, о Страшном суде, на котором людей ожидает справедливое воздаяние за их земные дела и поступки. Иными словами, преобладающей становится *эсхатологическая* тематика. Доминанты худо-

жественного сознания – *оценочность, эмоциональность и рефлексивность*: лирический субъект не просто повествует о картинах грядущего Апокалипсиса или адских мук, но и внутренне сопереживает изображаемому, чувствуя свою *сопричастность* борьбе добра и зла во Вселенной. Рефлексивность непосредственно связана с *субъективностью*: стихи о Страшном суде – это взгляд на историю «последних дней» не со стороны объективного имплицитного повествователя – носителя сугубо нарративной функции, в ведении которого находится представление содержательно-фактуальной стороны художественной информации³, а со стороны лирического «я», т. е. со стороны чувствующего субъекта сознания, включенного при этом в процесс лирического переживания. Не случайно «я» лиро-эпических стихов – это чаще всего «мы»: лирический субъект мыслит себя одновременно и объектом, поскольку неразрывно связан с поэтическим хронотопом, является его неотъемлемой частью. Эта включенность выражается при помощи либо местоимения «мы» в двусоставных структурах со сказуемым в форме 1-го лица мн. числа, либо местоимений «нас», «наше», «нам» (так называемые «мы»-формы⁴), либо синтетических императивных глагольных форм 1-го лица мн. числа (форм совместного действия). Например: «Молением *мы* от смерти *не отмолимся*, / Слезами от смерти *не отплачемся*, / Казною *мы* от смерти *не откупимся*»⁵; «Не *нас* ради грешных мука сотворена, / Сотворена мука ради сатаны и ради дьявола»⁶; «Лицё *наше* палит рекой огненной, / Ещё страшней и реки огненной, – / Приближается *к нам* мука вечная»⁷; «Воззрим на образ Создателя, / *Прольём мы* слёзы горячия, / Перед Богом стоя *мы*, перед Создателем»⁸.

Таким образом, предметом психологического исследования в лиро-эпических духовных стихах является внутренний мир человека, мир его страстей, эмоций, чувств в их соотносительности с идеалами народно-православной морали. В свою очередь, поскольку лирическая составляющая здесь проступает очень рельефно, важнейшим свойством лиро-эпических стихов становится *диалогичность*, признаваемая исследователями одной из универсалий поэтической речи. Текст лиро-эпических духовных стихов представляет собой единство монологического и диалогического начал, которое находит выражение в строго определенных языковых категориях и конструктивных характеристиках. Мы преимущественно уделим внимание категориям синтаксическим, хотя по мере необходимости будем апеллировать и к фактам морфологии, и к фактам лексики.

Монологическая форма изложения, типичная для эпического стиха, не столь значима в стихе лиро-эпическом. Концентрация лирического чувства наиболее высока в диалогических текстовых позициях, эксплицирующих взаимодействие двух или более субъектов сознания. Поэтому предметом рассмотрения в предлагаемой статье станут те способы, при помощи которых осуществляется диалогизация монолога, и те синтаксические формы, в которых объективируется диалогический дискурс.

Синтаксическим каркасом для построения лиро-эпического текста является традиционный монологический нарратив, обычный для эпоса. В монологической по форме речевой партии повествователя к чертам эпического стиля можно отнести, во-первых, паратактические структуры со значением *перечисления*: «Во пустыни тружанин трудился, / Он трудился – Господу молился, / Не владел ни руками, ни ногами»⁹; во-вторых, полные двусоставные предикативные единицы, построенные по схеме *N1 – Vf*: «Ангели в трубы затрубят / И мертвых от гробов взбудят: / Тогда мертви восстанут / И все в един возраст станут»¹⁰; в-третьих, синтаксический параллелизм (основа текстовой организации): «Как по праву руку-ту идут праведны, / Уж как праведны идут – веселятся, / Херувимския стихи да воспевают, / За отцей, за матерей да Бога молят»¹¹.

Одна из основных областей актуализации монолога – интродуктивный (инициальный) композиционный блок. При этом монолог может принадлежать как речевой партии повествователя (носителя нарративной функции), так и речевой партии лирического «я»: «Пророки пророчили за тысящу лет, / Другие сказали за триста годов, / Во пятой во тысящи в пятистах / Рождение, страдание Иисуса Христа»¹²; «Во святом граде Ерусалимове, / В третьем году воскресению Христову, / Из седьмого неба выпадеше камень, / Камень ни огня, ни студен, / Ширины об аршине»¹³; «Плачу ся и ужасаю, / Егда он час помышляю, / Гды приидет Судия правый / В Божестве Своея славы»¹⁴; «Спустится на землю судья праведный / Михайло архангел-свет / С полками он с херувимскими, / С херувимскими и серафимскими, / Со всею он силою небесною / И со трубою он златокованюю. / И первый раз он вострубит – / И души в тела пойдут; / Второй он раз вострубит – / От гробы мертвые встают; / В третий раз вострубит – / Все на суд Божий пойдут»¹⁵.

Для большинства этих случаев характерен взгляд «со стороны», изложение фактов и событий от 3-го лица, а если воспользоваться терминологией коммуникативной грамматики – активизация *ре-*

продуктивного речевого регистра¹⁶. Однако уже здесь, в монологе, может быть обнаружено и лирическое начало жанра: выражение личного, внутреннего чувства в *настоящем* времени и от 1-го лица (*плачу ся и ужасаю*).

Объективный по форме и по духу монологический эпический нарратив является лишь традиционной основой для лиро-эпических текстов. Такие же фундаментальные черты лирики, как *субъективность*, *оценочность* и *адресный характер* сообщения, находят выражение в разных формах *диалогизации*, которая буквально пронизывает поэтическую структуру рассматриваемой жанровой разновидности. Подчеркнем, что диалог духовных стихов как жанра, во-первых, музыкально-стихотворного, а во-вторых, испытавшего сильнейшее влияние книжно-письменного узуса, не может быть отождествлен с диалогом разговорно-бытовой речи. Следовательно, те специфические черты разговорного диалога, на которые обычно указывают исследователи (неполнота синтаксических единиц, словообрывы, самоперебивы и т. д.)¹⁷, в жестко регламентированном стихотворном тексте невозможны. В то же время актуализируются прочие признаки диалогической речи: реплицирование, вокативность диалогического слова, активизация в волюнтивном речевом регистре односоставных синтаксических моделей с главным членом – глаголом в форме 2-го лица ед. или мн. числа, синтаксический параллелизм.

Диалогизация первого типа – это включение диалогических сегментов в повествовательную канву, диалоги между персонажами действия. Данный тип диалогизации эксплицирует не столько лирическую, сколько драматическую составляющую жанра; он наиболее распространен в эпических формах фольклора. Соответственно, данный тип диалогизации можно условно назвать *драматическим*. В лиро-эпических стихах с помощью intersubъектных диалогов выражается бинарная семиотическая оппозиция *грех – праведность*: «И обратится Господи на десную сторону, / И проречет им Господи: / “Аминь, аминь, глаголю вам: / Подите, мои труждающие, / Подите, мои питающие, / Подите, друзи, сестры и братие! / За ваше великое милосердие, / За ваше премное моление / Готово вам есть царство небесное”»¹⁸; «И обратится Господи на ошую сторону, / К человекам многогрешным, погибающим: / “Аминь, аминь, глаголю вам: / Отъидите от меня прочь, проклятые, / Отъидите во огнь вечный”»¹⁹.

Речевая партия Судии представлена рядом типичных для диалогической формы синтаксических структур: на монопреди-

кативном уровне это прежде всего односоставные и двусоставные конструкции императивной модальности, выражающие волю Бога. Например: «Тогда рецёт Царь Страшной / Ко грешным, беззаконникам: / “Вам несть ныне прощения, / Великого милосердия, / Несть вам ныне пущения, / Грехам вашим прощения. / Умиленно-го моления / Не слышу аз от уст ваших; / *Идите вы*, проклятыи, / Во огонь вечный со дьяволом!” / Рецёт Господь ко праведным: / “*Идите* в радость вечную, / Со аньёлы, арханьёлы, / *Наследуйте* жись вечную, / В вечной веселиё, / Во Царствіе Небесной!»²⁰.

Описание ада и адских мук осуществляется при помощи эллиптических структур, обычно характерных для разговорной речи, в том числе диалогической: «Там вам плач и скрежет зубный, / Червь лютой и душегубный, / Там вам пропасть пекелная, / Беда и мука вечная!»²¹.

В некоторых редких случаях в речь Судии (Бога или архангела Михаила) вкраплены фразеологизированные синтаксические конструкции, типичные для разговорно-бытового диалога: «*Как же вас не отсылати?* / Вы воли Господней не творили, / За крест, за молитву не стояли, / Закон Мой Господний проступили»²².

Характерным признаком диалогизации текста являются вопросительные предикативные центры: «*Чего вы Богу не молились, / Христовой веры не творили, / За крест, за молитву не стояли, / Заутреню, обедню просыпали?*»²³

Адресный (диалогический) характер всех процитированных фрагментов определяется, конечно же, не столько разговорным или фразеологизированным типом синтаксических конструкций (которые возможны, разумеется, и в любых монологах), сколько прежде всего эксплицированными лексико-морфологическими средствами: в первую очередь это использование местоимения *вы* (*вас, вам*) в позиции подлежащего или дополнения. Также к важнейшим свойствам диалогической речи следует отнести вопросительный характер части описанных синтаксических структур. Вопрос – это «сильный» признак диалога²⁴.

На полипредикативном уровне синтаксические единицы, как правило, объединены в параллельные ряды и связаны паратактической связью (этим они принципиально не отличаются от монологических форм текста): «Я Сам Христос от Девы родился, / Три дня был на распятии, / Все ради вашего согрешения, / Ради вашего беззакония: / И тут же вы не спостились / И Богу не молились, / Закон Мой Господний не поимели, / Закон Мой Божий проступили!»²⁵ Как видно из примера, и в диалогическом дискурсе обычны

конструктивно полные предикативные единицы, что, безусловно, связано, во-первых, с музыкально-стихотворным, нормированным характером текста (далеко не тождественным бытовой речи); во-вторых, с воздействием книжно-письменного языка, с его стилистически возвышенными формами и категориями, особенно в тексте сакрального содержания. Следовательно, возможны и нетипичные для диалога гипотактические структуры: «*Когда* вы жили на вольном свету, / *Тогда* вы меня, гладного, воскормите, / *Жаждущего* воспоите, / *Тогда* вы меня нагого приодесте»²⁶; «*Тогда* вы, грешные, / *Когда* жили на свету, / *Вы* меня, гладного, не накормите, / *Жаждуща* не напоите, / *Вы* меня, нагого, не одесте»²⁷. Пассажи с подобной усложненной синтаксической перспективой обычно не свойственны языку фольклора. Здесь очевидно влияние книжной стихии, тем более что лиро-эпические духовные стихи могли бытовать не только в устной, но и в письменной форме. Книжное воздействие прослеживается не только на синтаксическом уровне, но и на уровне морфологии и фонетики (старославянизмы типа *гладного, жаждуща* или архаизированные формы глаголов *напоите, одесте* и т. п., чуждые живой народной речи).

Если же говорить о компонентах, осложняющих предикативный центр, то в диалогическом тексте большая роль отводится, безусловно, вокативам. Они выполняют функцию квалификации собеседника, т. е. оценочную функцию. Так, грешных людей Христос (часто также архангел Михаил) называет «злыми», «окаянными», «проклятыми», «грешниками», «беззаконными», «душами грешными»; праведных – «душами спасенными», «возлюбленными», «христолюбимцами», «христолюбцами», «рабами крещеными», «душами верными», «душами праведными», «милыми людьми», «любимыми детьми», «любимыми», «труждающими», «питающими», «сестрами», «братьями», «друзьями». Как видно из этого списка, характеристика «грешных душ» представляет собой набор довольно-таки однотипных штампов. Более разнообразны вокативы – наименования праведников. Их семантическим ядром является идея *Жизни. Любимые, спасенные* (т. е. спасенные от смерти), *питающие, дети, братья* и т. д. – все это семантические варианты одной ведущей христианской идеи – идеи *Вечной Жизни во Христе*. В то же время лиро-эпические духовные стихи дают нам отдельные примеры достаточно тонкой психологизации. Такими примерами являются характеристики грешников с помощью обращений типа «душечки», «грешные душеньки», которые вносят качественно новую, свежую струю в строго консервативный, выдержанный в

пределах традиции и фольклорной нормы, с ее жесткими предписаниями и регламентациями, текст. Эти вокативы выражают, при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов, христианскую идею *сострадания*. Например (архангелы отвечают на просьбу грешников отвезти их в рай): «Отвечаё Михайло со Гавриилом: / “Ишша, души вы, души да души грешные таки, / Ишша нам ведь вас да нам не велено везти, / Нам не велено везти да не приказано нам. / Ишша жили вы, *душечки*, на вольнем на свету, / Вы не знали вы ни среды, ни пятницы, / Да ни светлого Христова да воскресеньица”»²⁸. Здесь же следует обратить внимание на семантику безличных форм (причастных предикативов *не велено*, *не приказано*), с помощью которых передается сострадание архангелов грешникам: Михаил и Гавриил хотели бы помочь людям, но вынуждены, *помимо своей воли*, наказать грешных и отправить их на вечную муку. Именно поэтому они, словно желая оправдать свои действия, ссылаются, как на безусловный авторитет, на высшую небесную инстанцию. О сострадании как об одном из важнейших поэтических свойств русских духовных стихов писал Г.П. Федотов: «Русский певец не смеет возражать против справедливости. Он повторяет божественный приговор. Но ясно, что сердце его трепещет состраданием к осужденным. Он с ними в последние часы суда, переживая их безысходные муки. Их роль в мистерии суда гораздо значительнее краткой реплики святых; она развивается в потрясающую драму, в отчаянную борьбу с божественным правосудием. И в этой борьбе певец устраняет из роли грешников все то, что могло бы выставить их в черном свете, вооружить против них слушателя. В стихах отсутствуют совершенно грешники закоренелые, богоборцы, вольно избравшие свой погибельный путь. Многие из них являются жертвой неведения»²⁹.

Речь Судии адресована грешным и праведным людям. Их реплики неоднородны по синтаксической структуре. Речь праведников – это обычно лаконичная просьба в форме односоставной или двусоставной общепросительной предикативной единицы: «Величают они Михайла архангела: / “Не возможно ли, батюшка / Михайло архангел, помиловать?”»³⁰; «Ох ты матушка, Владычица, / Дева Мария Богородица! / Ты велишь нам, матушка, в рай взойти, / Нам в рай взойти, во царство небесное?»³¹

В некоторых вариантах праведники обращаются к своим родителям и благодарят их: «Хвалу несут дети отцу-матери: / “Спасибо тебе, батюшка со матушкой! / Умели нас вспоить-вскормить, / Умели на добрыя дела научить, / Призрили нам царство небесное – рай”»³².

Не то речевой план грешников. Можно утверждать, что эпицентр рефлексии – именно в душе осужденных и в их словах, обращенных к Судие. Разнообразию испытываемых грешниками противоречивых чувств соответствует разнообразие экспрессивных синтаксических схем, по которым строится их речь. Таковы, например, двусоставные и односоставные предикативные модели со значением побуждения, используемые для реализации мотива обращения к высшим силам: «*Прости ты нас во всех грехах!*»³³; «*Прости ты нас, Небесный царь, / Владыко, Царь Небесный, / Прости ты нас во всех грехах!*»³⁴; «*О всепетая Госпожа, / Владычица Богородица! / Помолись о нас, многогрешных, / Своему Сыну, Христу Богу небесному*»³⁵. Душевное состояние отчаяния и запоздалого раскаяния передается при помощи оптативных конструкций: «*Уж и лучше бы отец не засеял, / Уж и лучше бы мать меня не родила, / Сорока бы недель в утробы не носила, / На родимом бы мести да ростоптала, / На белой-от свет бы не попустила!*»³⁶ Чувство безысходности выражено с помощью односоставных безличных структур, а также инфинитивных со значением неизбежности и предопределенности: «*Нам несть ныне ни милости / От всех Творця, Создателя*»³⁷; «*Приближается к нам мука вечная, / Мучиться в муке нам несть конца!*»³⁸

Для выражения раскаяния грешников используются также экспрессивные структуры, оформленные междометиями «Горе!», «О!», «Увы!», «Авы, авы!». Например: «*Горе, горе, суд нам будет!*»³⁹; «*О! Коль мы многогрешныи, / Всему миру прелесныи; / О! Коль мы окаянныи, / Всим грехам повинныи, / Во всех грехах мы Тебе каемся*»⁴⁰; «*Увы, Ты Господи наш милосердный, / Прости нас, Господи, грешных!*»⁴¹; «*Авы, авы, Царь небесный! / За что прочь нас отсылаешь / От Своего небесного царства?*»⁴²

Попытки осмыслить наказание, понять его причины выражены в двусоставных и односоставных частновопросительных структурах: «*Ой же ты, Михайло архангел, / А почто ты нас в рай не спущаешь, / Райских дверей не отворяешь / И царства небесного лишаешь?*»⁴³; «*Что нас измёт от вецьных мук? / И хто же нас помилует? / К кому ныне прибегнем, / Мы кому пецьяль поведаём, / Кроме Тебя, Создатель наш?!*»⁴⁴; «*Господи, Царь небесный! / Чего ради прочь нас отсылаешь, / От царства от небеснаго отрешаешь?*»⁴⁵ В некоторых случаях вопрос носит риторический характер: «*Зачем мы на том свету родилися? / Зачем сызмалёшенька мы не померли? / На роду нас родная мать зачем не ростоптала?*»⁴⁶ В сердцах грешников живет напрасная надежда на прощение: «Ох

ты матушка, Владычица, / Дева Мария, Богородица! / *Не можно ли нас простить грешных?*»⁴⁷

Диалогический характер процитированных сообщений, помимо их вопросительной интонации, обусловлен высокой частотностью и прагматической востребованностью осложняющих вокативных структур. Для номинации сакрального Адресата и в речи праведников, и в речи грешников используются формульные риторические обращения типа «Царь Небесный», «Господи», «Создатель», «Владычица» и т. п. Под воздействием народно-православных представлений активизируются вокативы «матушка» (по отношению к Богородице) и «батюшка» (по отношению к архангелу Михаилу).

Диалогизация второго типа осуществляется на уровне субъектно-объектных отношений (при обращении самого лирического «я» к сакральным сущностям и к человечеству): «*Пречудная Царица Богородица! / Услыши молитвы грешных раб своих, / Призри наши слёзы горячия, / Не лиши нас царства небесного, / Избави нас от муки превечной!*»⁴⁸; «Со страхом мы, *братие*, послушаем / Божия писания, Господних страстей»⁴⁹. Данная диалогизация может быть названа *лирической*, поскольку она отражает взаимодействие конкретных (единичных или множественных) адресатов с художественным сознанием самого лирического «я» (адресанта) и не преследует цели драматизации нарратива. Обычно она реализуется вне пределов репродуктивного речевого регистра.

В этом случае текст лиро-эпического духовного стиха может приобретать коммуникативные признаки *молитвы и проповеди*. По О.А. Прохвятиловой, «молитва реализуется в особом виде общения», получившем название *гиперкоммуникация*⁵⁰. Гиперкоммуникация – это «сущностный признак молитвы», предполагающий наличие особого – сакрального – Адресата. В лиро-эпических духовных стихах таким Адресатом может быть Христос или Богородица. Обычная позиция синтагм, выражающих данный тип коммуникации, – это позиция инициальная и финальная. Инициальная позиция представляет собой синтаксическое единство, открываемое, как видно из первого примера выше, распространенным оценочным обращением – актуальной структурой лиро-эпических стихов.

Гиперкоммуникация непосредственно связана с *глубинной диалогичностью* молитвы⁵¹. Диалогичность же как речемыслительная категория проявляется в актуализации модусной «ты-сферы»⁵². В свою очередь, «ты-сфера» манифестируется набором определенных синтаксических структур и категорий⁵³. Среди них, помимо

вокативов, следует выделить односоставные определенно-личные предикативные единицы с главным членом – глаголом в форме 2-го лица ед. числа повелительного наклонения (*услыши, призри, не лиши, избави* и т. д.). Глаголы, входящие в перечислительный бессоюзный ряд, выполняют вполне конкретную функцию: они эксплицируют мотив *просьбы* к сакральному Адресату.

Сходное строение имеют и *финальные формулы*, обладающие коммуникативными признаками молитвословия: «Того нас, Христе, сохрани / И до тех мук *не отрини!*»⁵⁴; «Но нас от сего сохрани, / Наших грехов *не помяни,* / Милость свою к нам *ниспосли,* / В муку вечную *не посли!* / *Дажь* нам глас благословенный, / Иже от Девы рожденный! / Ты нас ради *воплотился* / И на кресте *пригвоздился,* / *Да* нас *спасеши* всех грешных / От лютых мук бесконечных: / *Не отверзи* нас от Себе, / Иже присно сый в небе!»⁵⁵

Как видно из приведенных примеров, в лиро-эпических духовных стихах может использоваться форма повелительного наклонения с частицей *да*, выступающей совместно с глаголом в форме 2-го лица ед. числа (*Да спасеши*). Помимо этого, к просьбе и «умолению», органичным для молитвы, прибавляется характеризующее описание Адресата, перечисляющее святыя деяния и выраженное формами глаголов в изъявительном наклонении (*воплотился, пригвоздился*) в паратактических синтаксических конструкциях. Репрезентация сакрального Адресата осуществляется также при помощи развернутых обращений типа «иже от Девы рожденный», что, безусловно, отражает влияние книжной традиции.

В финальной формуле может быть отражен мотив пения славы: «Тебе *честь, поклонение, / Хвала* во веки и *пение!*»⁵⁶

Каноническое «запечатывающее» слово молитвенного дискурса, а вместе с ним и всего лиро-эпического текста – это слово *Аминь*.

Однако сакральный Адресат – не единственный адресат, к которому лирический субъект обращается с духовной речью. В некоторых случаях направление коммуникации меняется на противоположное: говорящий вступает в диалог с мирянами. Поэтому тональность лиро-эпических духовных стихов приближается зачастую к тональности *проповеди*. Диалогу-проповеди с человечеством непосредственно предшествует молитвенное слово начального композиционного сегмента стиха. Инициальная молитва сообщает речи проповедника (или пророка) божественную санкцию; благодаря молитве лирический субъект получает и вдохновение свыше, и нравственное право призыва паствы к последнему покаянию. В интродуктивной молитве находит выражение такой сущностный

семантический признак проповеди, как *глубинная диалогичность*. «Глубинная диалогичность является отражением в православном сознании отношений между Богом и человеком, миром небесным и земным, духовным и материальным. Вместе с тем она актуализирует один из важнейших коммуникативных признаков проповеди – ее боговдохновенность как воплощение в Слове Божественной Истины»⁵⁷.

Божественная санкция выражена достаточно определенно при помощи императивных глагольных форм в односоставных структурах: «Во снах ему Пятница явилась / На самую заутреню Христову, / Лик его свечью осветила, / Лик его крестом благословила: / “Восстани, тружданин мой Божий, / Сходи в народ Божий, потрудися, / Скажи слово Божие, не убойся”»⁵⁸.

Актуальной синтаксической структурой текста-проповеди является *вокатив*: «Пора же вам, *человече*, покаяться, / На истинную путь возвратитися, / Призвать к себе отца духовного, / Дать отпущение своим злым грехам / И все свои тайныя дела исповедовати»⁵⁹.

Часто вокативность слова проповедника актуализирована уже в инициальном сегменте текста: «Приидите, *людие*, послушайте писание Божие, / Поучение Климента, папы римского»⁶⁰.

Вокатив – это синтаксическое звено, связующее позицию проповедника и позицию множественного адресата. В отличие от сакрального Адресата молитвы, в проповеднических структурно-семантических регистрах лиро-эпических стихов в качестве единственного важнейшего реципиента духовной информации на передний план выдвигается *человек*. Фигура повествователя, таким образом, располагается в центре двусторонней коммуникации (Бог ↔ человек) и принимает на себя функцию посредника, помогающего осуществить диалог между горним (трансцендентным) и дольным мирами. «В проповеди приходят в соприкосновение Творец, открывающий себя в СЛОВЕ, и человек, этому СЛОВУ внимающий. Это обстоятельство позволяет нам, вслед за Л.В. Левшун, говорить о проповеди как одной из форм харизмы, посылаемой человечеству, что делает ее посредницей между Богом и людьми: Божественный императив преобразуется в проповеди в понятия, доступные человеку и наоборот, категории человеческого мышления согласуются с Богооткровенной истиной»⁶¹.

В православной проповеди отношения между говорящим (проповедником) и слушающими (настой) могут сочетать признаки симметричности (равноправности) и асимметричности (иерархии). «Иерархия, или асимметрия отношений “говорящий – слушаю-

А.М. Петров

ций”, основывается на восприятии слушателями произносящего проповедь пастыря как духовного отца, наставника, на признании его авторитета. Симметричные отношения между верующими и священнослужителем в процессе проповедания являются отражением соборности богослужения и проповеди как ее составляющей, равенства членов церковной общины, церковного братства»⁶².

В текстах лиро-эпических духовных стихов *симметрия* отношений повествователя и слушателя выражается при помощи обособленных прилагательных, указывающих на признак местоимения-субстантива, которое, в свою очередь, эксплицирует идею включенности проповедника в соборную общность распевающих в своих прегрешениях людей (так называемые «мы-формы»): «Нельзя нам, *грешным*, / От своих злых дел / Отперетися будет, / Ни с памятью нам, ни без памяти»⁶³.

По-иному в лиро-эпических духовных стихах выражаются *асимметричные отношения*. Во-первых, эти отношения эксплицируются при помощи обращений типа «чады», указывающих на более высокое место пастыря в духовно-нравственной иерархии мироздания; во-вторых, асимметрия отношений «адресант – адресат» маркируется посредством глагольных форм повелительного наклонения, позволяющих «уточнить позицию субъекта речи как активную, доминирующую»⁶⁴. Например: «*Чады вы мои! / Поимейте* вы три дни в неделю – / Среду и пятницу, воскресение Христово»⁶⁵.

Проповедническая интонация находит выражение и на полипредикативном уровне. Актуальной структурой здесь является сложноподчиненное предложение нерасчлененного типа с неопределенно-обобщенным условным значением: «*Чады вы мои! / Есть Свиток, Ерусалимский список: / Кто ж яго возлюбить, / И перейметь, и спишетъ, / Станет яго в дому прочитати, / Завсегда яго прославляти, / Станет яго толком толковать – / От такого человека / Отодут духи нечистыя – / Наследник к небесному царствию*»⁶⁶.

Стих «О двенадцати пятницах» основан на этой же синтаксической модели: «*Кто* станет той Пятнице постится / Святым постом и молитвою, / *Тот* человек избавлен будет от плотской похоти / И дьявольского искушения сохранен будет, / Помилован будет от Бога»⁶⁷.

Важнейшим компонентом плана содержания лиро-эпических духовных стихов является семантическая параллель между Богом и человеком. Наиболее логичной для экспликации этого мотива является полипредикативная структура *со значением сравнения*.

Например (Христос обращается к мирянам): «Чады вы мои! / Поимейте вы мою страшную неделю: / *Как* я, Господи, воскорбил своею душой / От смертного часу до Христова воскресения, / *Такожде* и вы попоститесь / Верою и любовью, / Кротостям и смирением, / Своими благими делами»⁶⁸.

В некоторых случаях сравнительные полипредикативные структуры используются и для реализации иной поэтической функции – функции морального назидания с переводом абстрактных нравственных понятий на традиционный, овеществленный, язык народной поэзии, что соответствует роли духовного стиха как медиатора между культурой книжно-христианской и традиционной, фольклорной: «*Как* оболочи ходят на небеси, ветром и ненастьем, / *Такожде* в человеке ходят мысли худыя и добрыя; / От доброго разума душа воскресает, / От худого разума душа погибает»⁶⁹.

Побуждение к нравственному совершенствованию достигается благодаря использованию бессоюзных сложных структур с *семантической* условия: «Чады вы мои! / Да не послушаетя моей заповеди Господней / И наказания моего, / Сотворю вам небу медную, / Землю железную: / От неба медного росы не воздам, / От земли железной плода не дарую, / Поморю вас гладом на земле»⁷⁰.

Иногда условное значение реализуется в гипотактических структурах: «*Аще* Пресвятая Богородица / Помощи своей не воздаст, / Не может ничего на земле в живе родиться, / И ни скот, и ни птица, / Ни человекам бысти. / *Аще* да Святая Богородица / Да помощи Святая воздаст, / Может всякая тварь на земли в живе родиться, / Скот, и птица, и человекам бысти»⁷¹.

Во втором типе диалогизации лиро-эпического текста вербальная реакция реципиента (в данном случае, во-первых, человека-мирянина, к которому обращено божественное слово, опосредованное фигурой проповедника; во-вторых, сакрального Адресата, к которому обращено молитвенное слово) не выражена никакими формальными языковыми средствами. Попытаемся раскрыть внутреннюю смысловую мотивировку этого явления.

Если говорить о слове проповедника, адресатом которого является весь человеческий род, то отсутствие какой бы то ни было вербальной реакции со стороны обобщенного реципиента должно быть объяснено безусловной авторитетностью духовного, сакрального обращения, которое не требует никакого обсуждения, а предстает само собой разумеющимся – как извечный нравственный абсолют, как незыблемая моральная доктрина. Поэтому в ответной реакции нет необходимости, она, в сущности, даже не имеет ни-

какого значения. Настоящей ценностью в народно-христианской картине мира лиро-эпических духовных стихов обладает только изначально заданный идеальный образец, предопределенная Богом норма, модель поведения, предписывающая людям единственно возможный путь к спасению.

Что же касается молитвы, то сама жанровая природа молитвословия обуславливает известную однонаправленность здесь коммуникативного акта: не случайно многие исследователи относят молитву к сфере *автокоммуникации*⁷², сближая ее с так называемой внутренней речью. Если же считать релевантным признаком молитвы *гиперкоммуникацию*, то и в этом случае реакция Адресата исключена, поскольку Адресат обладает особым («над-реальным», или трансцендентным) статусом, исключающим возможность непосредственного, зримого общения с ним.

Если диалогизация 1-го типа обычно находит выражение в рамках репродуктивного речевого регистра, то сфера функционирования диалогов 2-го типа – *волюнтивный* речевой регистр (согласно типологии коммуникативной грамматики). *Реактивный* же регистр (ответ на побуждение или просьбу адресанта коммуникации) практически не актуален и потому не выявлен в данном типе диалогизации.

Третий тип диалогизации находит выражение в риторических обращениях к явлениям природы. Такие обращения служат единственной цели – выразить внутреннее душевное состояние лирического «я». Например, Богородица плачет, обращаясь к природной стихии: «Плачьте, рыдайте, *солнце и луна!* / Плачьте, стоните, *месяц со звездами!* / Плачьте, стоните, вдовы и сироты! / Наставник и учитель покинул вас всех»⁷³. Этот тип диалогизации можно обозначить как *лирико-риторический*.

Обращения к природе эксплицируют лирическое начало в лиро-эпическом жанре, поскольку сигнализируют не о собственно коммуникации как таковой, а о риторическом выражении чувства. Не случайно именно такие вокативы занимают значительное место в языке и стиле лирической песни, что отмечает Е.Б. Артеменко: «Антропоморфизация природы составляет в образном плане одну из характерных черт русского фольклора, и конструкции с обращением к предметам и явлениям природы представляют собой одно из наиболее ярких и последовательных воплощений этой черты»⁷⁴.

Итак, мы рассмотрели основные структурные (синтаксические) особенности лиро-эпических духовных стихов, позволяющие гово-

речь о специфике этой жанровой разновидности. Свойства синтаксического строя лиро-эпических стихов обусловлены прагматикой жанра: необходимостью выразить эмоции и чувства лирического субъекта, эксплицитировать духовно-религиозную рефлексию, глубинную диалогичность (лиро-эпические стихи отличаются от классических эпических форм фольклора принципиально двусторонним характером поэтической коммуникации; указанная черта, но в меньшей степени, свойственна также эпическим духовным стихам, в которых реализована преимущественно диалогизация 1-го типа⁷⁵). Лиро-эпический духовный стих диалогичен по самой своей природе, что выражается в актуализации таких речевых жанров, как *проповедь* и *молитва* (2-й тип диалогизации). Лирическое начало находит выражение в диалогизации 3-типа – маркированной риторическими обращениями. Что же касается эпической составляющей жанра, то к ней можно отнести диалоги 1-го типа – формы драматизации монологического нарратива. Однако и в диалогах 1-го типа (например, в диалоге между Богом и людьми) можно выявить признаки лирического начала: прежде всего это разного рода явления экспрессивного синтаксиса, необходимые для выражения душевного состояния человека (нечленимые междометные образования типа «Увы!», односоставные инфинитивные предикативные единицы со значением неизбежности и предопределенности действия и т. д.).

Разные типы диалогизации монолога лиро-эпических стихов (драматический, лирический и лирико-риторический) не закреплены за определенными сюжетами или текстами: они могут сосуществовать в одном и том же варианте. Так, стих может открываться обращением к небесным силам (диалог 2-го типа), однако в медиальной позиции текста возможны повествовательные сегменты с включением интерсубъектных диалогов 1-го типа, в которые, в свою очередь, могут быть «вмонтированы» риторические вставки 3-го типа диалогизации.

Лирическое начало, помимо диалогов, может быть выражено и в монологе: например, сигналом включения лирического блока могут стать глагольные формы настоящего времени, раскрывающие *актуальные* переживания и чувства лирического субъекта (*плачу* *я и ужасаю, егда он час помышляю* и т. п.).

Однако именно диалогизация монологического дискурса является тем важнейшим структурным свойством, которое и определяет сущностную природу лиро-эпических духовных стихов как специфической жанровой разновидности.

- ¹ *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 325–333.
- ² *Федотов Г.П.* Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс: Гнозис, 1991. С. 84. Теллурический – относящийся к грехам против матери-земли и родовой религии (оскорбление родителей, кровосмешение, детоубийство, ведовство); ритуальный – относящийся к грехам против ритуального закона Церкви (необходимость соблюдения исповеди, причастия, земных поклонов, молитвы, постных дней и т. д.); каритативный – относящийся к грехам против христианского закона любви (связан с понятием о милосердии, милостыне и т. д.).
- ³ *Артеменко Е.Б.* К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре: на материале былинного эпоса // *Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания.* Вып. 11. Воронеж, 1998. С. 186–195.
- ⁴ *Прохватилова О.А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1999. С. 247–249.
- ⁵ Стихи духовные / Сост. Ф.М. Селиванов. М.: Советская Россия, 1991 (далее – Селиванов). С. 223.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 226.
- ⁸ Там же. С. 224.
- ⁹ Там же. С. 179.
- ¹⁰ *Бессонов П.А.* Калеки переходные. М., 1861–1863 (далее – Бессонов). № 441. С. 66.
- ¹¹ *Селиванов.* С. 242.
- ¹² Там же. С. 74.
- ¹³ Там же. С. 175.
- ¹⁴ *Бессонов.* № 441. С. 65.
- ¹⁵ *Селиванов.* С. 240.
- ¹⁶ *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- ¹⁷ *Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. Т. 1. Пг., 1915; *Он же.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957; *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // *Русская речь.* 1923. Вып. 1. С. 96–194; *Винокур Т.Г.* О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953; *Михлина М.Л.* Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955; *Шведова Н.Ю.* К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // *Вопросы языкознания.* 1956. № 2. С. 67–82; *Святогор И.П.* О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке. Калуга, 1960; *Лятишевская Н.С.* К вопросу об изучении разговорно-диалогиче-

О трех типах диалогизации монологического дискурса...

- ской речи // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. № 326. Современный русский язык: Синтаксис и морфология. М., 1965. С. 285–299; *Филиппов К.А.* Лингвистика текста: Курс лекций. СПб., 2003.
- 18 *Селиванов. С. 228.*
19 Там же. 228–229.
20 Архив Карельского научного центра РАН (далее – АКарНЦ). Ф. 1. Оп. 1. Кол. 27. № 186.
21 *Бессонов. № 441. С. 66.*
22 Там же. № 452. С. 81.
23 Там же. № 457. С. 88.
24 *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 61.
25 *Бессонов. № 452. С. 81.*
26 *Селиванов. С. 228.*
27 Там же. С. 229.
28 Там же. С. 243.
29 *Федотов Г.П.* Указ. соч. С. 111.
30 *Селиванов. С. 241.*
31 *Бессонов. № 486. С. 159–160.*
32 *Селиванов. С. 238.*
33 АКарНЦ, Ф. 1. Оп. 1. Кол. 27. № 186.
34 Там же.
35 *Селиванов. С. 229.*
36 Там же. С. 242.
37 АКарНЦ, Ф. 1. Оп. 1. Кол. 27. № 186.
38 *Селиванов. С. 226.*
39 АКарНЦ, Ф. 1. Оп. 1. Кол. 15. № 35 б.
40 Там же. Кол. 27. № 186.
41 *Селиванов. С. 231.*
42 *Бессонов. № 451. С. 80.*
43 АКарНЦ, Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 95.
44 Там же. Кол. 27. № 186.
45 *Бессонов. № 448. С. 76.*
46 *Селиванов. С. 239.*
47 *Бессонов. № 486. С. 160.*
48 *Селиванов. С. 223.*
49 Там же. С. 74.
50 *Прохватилова О.А.* Указ. соч. С. 85.
51 Там же. С. 105.
52 Там же. С. 110.
53 Там же. С. 112.
54 *Бессонов. № 443. С. 70.*

А.М. Петров

- ⁵⁵ Там же. № 445. С. 73.
- ⁵⁶ Там же. № 443. С. 70.
- ⁵⁷ *Прохватилова О.А.* Указ. соч. С. 285.
- ⁵⁸ *Селиванов.* С. 179.
- ⁵⁹ Там же. С. 224.
- ⁶⁰ Там же. С. 180.
- ⁶¹ *Прохватилова О.А.* Указ. соч. С. 142.
- ⁶² Там же. С. 247.
- ⁶³ *Селиванов.* С. 224.
- ⁶⁴ *Прохватилова О.А.* Указ. соч. С. 249–250.
- ⁶⁵ *Селиванов.* С. 176.
- ⁶⁶ Там же. С. 179.
- ⁶⁷ Там же. С. 180–181.
- ⁶⁸ Там же. С. 177.
- ⁶⁹ Там же. С. 178.
- ⁷⁰ Там же. С. 177–178.
- ⁷¹ Там же. С. 178–179.
- ⁷² *Прохватилова О.А.* Указ. соч. С. 83; *Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. Т. VI. Тарту, 1973. С. 227–243; *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1981. № 4. С. 356–367; *Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А.* Автокоммуникация как необходимый компонент коммуникации // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1997. № 5. С. 1–10.
- ⁷³ *Селиванов.* С. 75.
- ⁷⁴ *Артеменко Е.Б.* К вопросу о функциональном своеобразии конструкций с обращением в русской народной лирической песне // Материалы по русско-славянскому языкознанию: историко-диалектологические и сравнительные исследования. Воронеж, 1985. С. 22.
- ⁷⁵ *Мухина Е.А.* Динамика текста эпического духовного стиха (на материале сюжетов «Алексей человек Божий», «Два Лазаря», «Егорий Храбрый»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. С. 14.